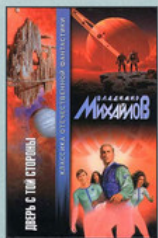

Владимир Михайлов

День, вечер, ночь, утро

*Часть сборника
Дверь с той стороны (сборник)*

Владимир Дмитриевич Михайлов

День, вечер, ночь, утро

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135559
Дверь с той стороны: АСТ; Москва; 2003
ISBN 5-17-016686-9*

Аннотация

«Часы показывали половину десятого. Кира лежала на диване. Стояла тишина, но что-то тревожное мешало ей быть полным безмолвием. Кира чувствовала себя так, как если бы кто-то настойчиво смотрел на нее. Она подняла голову. Кто-то сидел в кресле и действительно смотрел на нее...»

Содержание

1. Вечер. Дома	4
2. Минувшим днем. Спутник «Большой Космостарт»	5
3. Днем. Город	10
4. Сумерки. Дома	16
5. Вечер. Дома	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Владимир Михайлов

День, вечер, ночь, утро

1. Вечер. Дома

Часы показывали половину десятого. Кира лежала на диване. Стояла тишина, но что-то тревожное мешало ей быть полным безмолвием. Кира чувствовала себя так, как если бы кто-то настойчиво смотрел на нее. Она подняла голову. Кто-то сидел в кресле и действительно смотрел на нее.

Она не испугалась; скорей удивилась. Но человек встал, и она увидела, что это Александр, и у нее захватило дыхание. Александр стоял перед нею и улыбался, и тут Кира ощутила, как в нее проникает страх. Наверное, так и должно происходить, когда человек становится свидетелем чуда.

2. Минувшим днем. Спутник «Большой Космостарт»

Обратный путь был еще короче.

Но прежде был путь туда. Они держались за руки и молчали; любое сказанное слово опять ввергло бы их в тот иррациональный разговор, который они успели уже возненавидеть.

После обычной для приземельского кораблика тесноты внутренность прозрачной сферы, куда они попали, показалась обширной. Снаружи, доступный взорам, поднимался крутой и высокий борт «Летящего среди звезд». Он был ярко освещен, и телекамеры неотрывно держали его под прицелом. Глухие голоса провожавших блуждали, отражаясь от вогнутых стен. Шуршала обертка наивных пакетиков, приготовленных в последний момент; их втискивали в каменные ладони уезжающих – совали так заискивающе-настойчиво, словно в измятых свертках находились талисманы любви и памяти. То тут, то там вспыхивали последние поцелуи – искры между навечно размыкающимися контактами, громкие, краткие и ненужные.

Затянувшееся ожидание накалилось до предела. Люди чувствовали, как теряют они равновесие, балансируя на грани отчаяния и одиночества. Наиболее решительные уже перешагнули мыслями через то, что навсегда уходило из жиз-

ни, и обратились к тому, что должно было в ней остаться. И Кира почувствовала, что Александр – после того, как он пробормотал невнятное «жди» и она вымученно улыбнулась в ответ, – расстался с нею, хотя еще стоял рядом и рука могла дотронуться до него.

Сигнал они расслышали не сразу. Телеоператоры экстатически изогнулись, прикикая к видеоискателям. Путники какое-то малое мгновение толпились около выхода. Потом они скрылись, и последний, вырвавшись, проскользнул между уже начавшими смыкаться створками. Серо-зеленый борт стал отдаляться; в пронесшемся вздохе были ужас и облегчение вместе. Но это еще только зал прощаний, покинутый экипажем звездолета, заскользил по направляющим, укрываясь под защиту конструкций стартового спутника. Стал виден весь корабль, затем и рамка из черного неба. Всех чуть качнуло; это зал, чьи прозрачные переборки были, наверное, сделаны из отвердевших слез, вернулся на свое место в системе сооружений спутника «Большой Космостарт». «Летающий среди звезд», из рода длинных кораблей, висел устойчиво, словно центр мироздания. Но настал миг, и вселенная пошатнулась. Стартовые двигатели выговорили слово «прощай», уходящее в бесконечность. По вселенной прошла рябь, а когда унялась, одним кораблем стало меньше в мире людей, одной звездой больше на небе Земли.

На этом все кончалось. Звезда должна была исчезнуть в избранном направлении со скоростью, близкой к известно-

му людям пределу. Ей предстояло вновь возникнуть и превратиться в корабль через пятьсот лет. Поэтому все и кончалось: прожить пятьсот лет не под силу даже человеку, не расстававшемуся ни с кем и никогда.

Оставшиеся заговорили было громко и бодро. Но они находились еще в космосе, а космос не терпит фальши, и вскоре искренность взяла верх, овеществившись в слезах. До того их сдерживали усилием, которое никто и никогда не сможет оценить, – сдерживали, чтобы не стало еще тяжелее на сердце у избранных лететь. Тяжесть на сердце мешает в пути больше, чем целые тонны другого груза, и оставшиеся приняли на себя и это бремя. Нет, не сказать, чтобы великая техника облегчила людям поиск новых материков!

Кира тоже плакала, неумело от непривычки. Она охотно отошла бы в угол, но в круглом зале не было углов; она лишь повернулась к стене и опустила голову пониже. Была тишина и приглушенные всхлипы не нарушали ее, а лишь подчеркивали глубину безмолвия. Показавшийся на пороге внутренней двери человек, уважая горе, тоже не сказал ни слова; только поднял руку, приглашая. Никто не заметил жеста. Тогда он сдержанно кашлянул; звук показался оглушительным, все вздрогнули и обернулись.

В салон ожидавшего их кораблика люди входили по одиночке, и по одному рассаживались. Свободных мест осталось много, а когда летели с Земли, их не было вовсе. Вспыхнули экраны. Планета плавно накатывалась на корабль. Гул дви-

гателей протиснулся в салон. Забормотал автомат-информатор, советуя проверить защитную систему. Все было так же, когда летели сюда, – и совсем иначе: сейчас было всего лишь безжизненное отражение в зеркале – мнимое, как говорят оптики. Женщина закусила губу и почувствовала, как опять влажнеют щеки. Но космодром уже распахнулся перед нею, необъятное пастбище кораблей.

Посадка совершилась в ликующем грохоте: корабли редко сочувствуют людям. К вокзалу Кира шла по местами выжженной траве, пренебрегая туннелем. Она подставляла лицо ветерку, чтобы скорее высохли слезы. Пилоты приземельского корабля стояли поодаль, они были хмуры и прятали глаза, словно стыдились того, что вернулись в свой порт и семьи вскоре увидят их, а те, кто улетел, не вернутся ни в этом, ни во многих будущих поколениях и жены не встретят их никогда. Кира прошла мимо пилотов, высокомерно подняв заплаканное лицо и глядя покрасневшими глазами поверх голов. Но пилоты не обиделись; младший из них пробормотал что-то о церемонии, в которой их кораблю была отведена немаловажная роль катафалка. Улететь безвозвратно всегда казалось ему завидным уделом; но сейчас, глядя вслед удаляющейся женщине, он впервые подумал, что человек – за чем бы ни устремлялся он, – едва ли не большее оставляет тут, на старой планете. Ему захотелось догнать женщину. Но Кира уже скрылась в путанице высоких мачт и косых плоскостей вокзала, за которым взлетели аграпланы, заставляя

воздух на миг закручиваться смерчем.

3. Днем. Город

Через час с небольшим Кира сошла с рейсового аэроплана на аэродроме своего города и направилась домой пешком, избрав самый длинный путь.

В городе был праздник. Звездные экспедиции уходят не часто, и каждая из них – торжество не одних только улетевших. Все вышли на улицы. Жилища, начинавшиеся у земли мощным стволом и ветвившиеся наверху на множество отростков, медленно меняли краски. Плавно вращались площади, звучала музыка и везде танцевали люди. Взрывался фейерверк. Грудами лежали цветы; лепестки их налипали на подошвы, запах разносился далеко. Кира шла, погруженная в странные, непонятные до конца ей самой мысли и ощущения. Она не замечала, как люди протягивали ей руки, чтобы вовлечь ее, грустью выделявшуюся из остальных, в общее веселье. Потом руки опускались: ее узнавали, она была такой же, как на экранах, когда транслировался старт. Несколько раз с нею заговаривали. Она смутно понимала, что говорили о героизме Александра – и ее самой, отпустившей его и оставшейся в жизни одинокой, навсегда одинокой – подразумевалось, что никто не будет в силах вытеснить из ее сердца облик человека, чье имя будут с уважением произносить в столетиях. Кира торопливо кивала и улыбалась, потом уходила – кажется, не очень вежливо; люди при этом на мгно-

вение ощущали себя виноватыми, хотя их вины в происшедшем не было. Кира шла, и запах раздавленных цветов провозжал ее.

Затем она свернула с магистрали и углубилась в сеть улиц и улочек, до которых так и не докатилась еще волна реконструкции. Одно- и двухэтажные домики прятались в обширных садах, ожидая своего часа. Плоские кровли чередовались с острыми – плодом недавнего увлечения стариной; окна – то круглые, то стрельчатые, то просто квадратные – сменялись прозрачными стенами. Все архитектурные моды последних столетий демонстрировались здесь, как на выставке. Когда-то это развлекало Киру; Александр уверял даже, что многие ее проекты были навеяны этой мешаниной стилей. На самом же деле Кира, привыкнув, перестала замечать окружающее, и сейчас воспринимала многое с таким острым удивлением, словно оказалась здесь впервые.

Каблуки глухо ударяли о тротуар, а раньше они звенели четко. Но Кира не могла теперь идти так, как ходила, когда он был рядом. Лишь на миг она представила, что Александр опять вышагивает на расстоянии ладони; боль оказалась даже более сильной, чем можно было ожидать, и горькой на вкус. Наверное, так горьки бывают те яды, от которых ни люди, ни сама природа не изобрели противоядия, что не мешало людям подчас принимать их.

Мысль о ядах оказалась неожиданно уместной, потому что понятие о смерти всегда соседствует с ней. Александр

никогда больше не пойдет рядом. Как если бы он умер. Кроме безысходности, в этой мысли оказалась и неожиданная прочность; в следующий миг прочность стала призрачной. Умер – значит умер. Но Александр жив, и память о нем – не воспоминания о покойном. Кто-то сейчас слышит – и будет слышать – его смех, смотрит – и будет смотреть – в его глаза. Нет, все куда сложнее...

Эти мысли помешали ей как следует подготовиться к встрече с домом, который неслышно подкрался и вдруг встал на пути. Кира остановилась бессознательно и еще несколько секунд пыталась понять, что же задержало ее; поняв, она даже не улыбнулась собственной рассеянности. Здесь они жили: Александр любил уединение. Дикий виноград нависал над окнами, подобно зреющей лавине, острая крыша казалась носом изготовившегося к прыжку корабля. Отныне Кира ненавидела корабли, поэтому дом показался ей враждебным и она остановилась у калитки, не в силах отворить ее.

Стоя на тротуаре и переминаясь с ноги на ногу, она внезапно ощутила свою незащищенность перед будущим. В доме затаилось Одиночество, с которым ей отныне придется дружить. Ей захотелось оттянуть встречу. Она глубоко вздохнула; запах цветов из садика донесся до нее и напомнил другие цветы, на площади. Именно там – сейчас она словно заново услышала и слова, и интонацию – именно там ей сказали о предстоящем одиночестве. Надо было прожить еще много лет, и прожить их одной. Раньше ей было некогда задумы-

ваться о том, что все, бывшее в жизни и казавшееся лишь началом, на самом деле шло к концу – и кончилось. Она была теперь Жена Героя – живого Героя, но вечно отсутствующего; такой ей и предстояло остаться, чего бы это ни стоило. Иначе... Почему это всем кажется, что самые тяжелые испытания придутся на долю улетевших? А что станет с оставшимися – кто подумал об этом? Совершать подвиги легче, чем ждать, когда ждать нечего. Можно только укрыться...

Она покачала головой и медленным движением затворила уже открывшуюся калитку.

В этом доме ей не укрыться. Здесь поджидают ее Одиночество и Память. Она будет лишь Хранительницей Памяти. Но, может быть, укрываться и не надо? Может быть, начать все сначала? Много забыть, многое вспомнить заново. Уйти отсюда. Бросить все – кроме разве материалов проекта и еще нескольких мелочей, которые все уместятся в эту сумку. И пусть Одиночество щелкает зубами: ему не под силу окажется укунить ее!

Она решительно тряхнула головой и пошла к дому. Поставила ногу на ступеньку крыльца. И опять остановилась. Да, все так, и кто-то будет смотреть Александру в глаза. Но зайти домой даже только для того, чтобы собраться, было страшно. Она боялась, что ее решимость останется снаружи, за дверью.

Она сжала губы, досадуя сама на себя. И услышала шаги. Кто-то торопливо шел, приближаясь; кусты мешали ей раз-

глядеть, кто, но шаги были мужскими. Внезапно Кира поняла: надо войти в дом не одной, а с кем-то. Она попросит прохожего побыть с ней четверть часа. Выпить чашку кофе. Сама она за эти минуты спокойно соберется, попрощается с Одиночеством. И, поблагодарив незнакомца, выйдет вместе с ним, даже не оглядываясь.

План ей понравился, и она поспешила к калитке. Шаги прозвучали рядом. Она встретилась глазами с прохожим. И растерянно улыбнулась:

– Ты?

Он сказал:

– Ты не ожидала, не правда ли?

Она ответила:

– Да.

– Плохо, – сказал он, – быть чужим на празднике, правда? Я еще тогда говорил тебе, что так будет. Ты не поверила. Но я все равно пришел. Может быть, я понадобится. Тебе будет тоскливо. Я очень долго ждал.

– Разве? – спросила она. – Ты приходил не так уж редко.

– Приходил к Александру. Как-никак, мы занимались одним и тем же.

– Да, – сказала Кира. – Но он улетел.

– А я остался. Знаешь, почему? Потому, что осталась ты. Я ведь тоже мог бы улететь. Я не хуже его. Но он оставил тебя. А я не мог. Пригласи меня в дом.

Сама не зная почему, Кира послушно сказала:

– Входи.

Как бы компенсируя уступку, она толкнула дверь сердито. Смешно! И страшно глупо. Но он поможет собраться. И прийти в себя. А потом уйдет. И она больше никогда его не увидит.

4. Сумерки. Дома

– Подожди здесь, – сказала она. – Там, кажется, беспорядок.

Гость остановился в прихожей. Он положил руку на плечо Киры, ничем не прикрытое: лето стояло жаркое. Рука показалась горячей. Кира осторожно сняла его ладонь, как сняла бы шаль. Затем вошла в комнату и затворила за собой дверь.

Было полутемно. Голубая пелена затягивала окна; так это осталось с утра. Кира нашарила кнопку. Посветлело, лишь в углу сохранилась словно бы дымка; возможно, именно здесь начиналось бесконечное пространство, в котором сейчас неся Александр, с каждой секундой удаляясь от Киры на все большее число километров. Все предметы стояли на своих местах. Никакого беспорядка. Жаль, что мебель на месте: ей следовало разбрестись, перемешаться, опрокинуться вверх ногами – создать другую, непривычную обстановку и дать Кире возможность заняться делом. Тогда она, может быть, забыла бы и невнятный страх, и человека, который ждет в прихожей. Можно, кстати, пригласить его. Нет, еще минутку помедлить. Пусть подождет...

Кира медленно обошла комнату. Взяла с полки легкий темно-серый камень. Его в самом начале их знакомства привез с Луны Александр. Вспомнив об этом, Кира с досадой положила камень на место. Сделала несколько шагов – осто-

рожно, словно пол грозил провалиться при каждом из них... Кто упрекнет ее и в чем? Кто вправе решать за нее, как прожить ей остальную, немалую часть жизни? Одиночество не страшно, если оно не навязано тебе извне – людьми, обстоятельствами. Все то, что навязано, вызывает желание бороться и отрицать... Она подошла к двери в спальню. Дверь была приотворена, за ней царил беспорядок, разбросанная постель (автоматика была выключена) еще хранила, казалось, тепло тел: ее и Александра. Кира плотно прикрыла дверь, резко повернулась и направилась в его кабинет.

Глубокие кресла хранили спокойствие, со стен глядели портреты знаменитых теоретиков и капитанов. На письменном столе белел листок бумаги. Кира торопливо схватила его, перевернула; листок был чист. Следов не осталось, но в каждом углу комнаты свила гнездо память. Она была похожа на птицу: не оставляла следов в полете, но вила гнездо из всего, что попадалось. Неразборчивая птица и, наверное, хищная. Не был ли памятью тот орел, что терзал Прометея?

Неподвижно стоя у стола, она услышала, как тот, в прихожей, кашлянул. Она мысленно позвала его и тотчас услышала шаги. Человек вошел в соседнюю комнату. Кира стояла, не шевелясь, затаив дыхание. Шаги стихли, потом возобновились. Дверь отворилась беззвучно. Он вошел. Кира почувствовала, что в следующий миг он дотронется до нее. И она ударит его – яростно и не один раз. Есть вещи, которых нельзя делать на кладбище – хотя бы и надежд.

Она стремительно повернулась.

– С тех пор ничто не изменилось, – сказала она, стараясь, чтобы слова прозвучали как можно спокойнее. – И не изменится.

Руки опустились; несколько секунд он смотрел ей в глаза. Она не отвела взгляда.

– Это не для меня, а для тебя, – сказал он. – Но ты еще не поняла. Я поторопился. Я приду завтра. С утра.

Поклонившись, он вышел. Кира слышала, как за ним затворилась и наружная дверь. Тогда она почувствовала, что колени дрожат и пот выступил на лбу, и опустилась на диван.

– Тварь! – сказала она о себе. – Спешешь убедиться, что ничего еще не потеряно? погоди, вот вернется Алька, он тебе...

Она оборвала себя на полуслове, потому что последнее было сказано по инерции (она и раньше упрекала себя так, если что-то не клеилось), но сейчас, уже произнеся эти слова, она поняла вдруг, что Александр и в самом деле может еще вернуться!

Она подобрала ноги и оперлась локтем на подушку.

И в самом деле: вовсе не трудно было предположить, что на корабле случилась какая-то незначительная авария. Не подвергая опасности жизнь людей, поломка вынудила бы улетевших возвратиться. Могло произойти и другое: в последний момент экспедиции порой отменяются из-за каких-то новых соображений, которые в науке возникают еще

неожиданнее, чем в других отраслях деятельности. Так что не успевший еще как следует разогнаться корабль теперь, быть может, уже возвращался. Это было возможно; это было реально. Остальное – например, что ученые экспедиции, занимавшиеся, кроме всего прочего, и проблемами времени, найдут в пути способ обратить парадокс времени – было нереальным, хотя Александр с друзьями иногда и мечтали об этом вслух. Если бы это удалось, люди долетели бы до источника странных сигналов и успели вернуться, а на Земле прошло бы не пятьсот, а пять лет – или месяцев, или недель. Но в это они и сами, кажется, не верили всерьез, а вот поломка – это скромно и убедительно, такое случается чуть ли не каждый день. Так много места еще для надежды! Как же могла, как смела Кира потерять эту надежду сразу же?

Она почувствовала, как вновь поднимаются слезы, а вместе с ними – та боль, что родилась на «Большом Космостарте». Кира уткнулась лицом в подушку. Рука Александра – бесплотная, неосязаемая – прикоснулась к ее волосам, и это открыло путь слезам. Заболела голова; это было приятно, боль отвлекала от другой, сильнейшей. Кира подумала, что надо встать и найти порошок, или еще лучше – принять ионный душ. Но вставать не хотелось. Проклятая нерешительность! Нерешительность во всем... Самое лучшее – перестать быть женщиной. Забыть. Архитектура – разве одного этого мало? «Пусть мне приснится новый театр», – подумала Кира, засыпая.

5. Вечер. Дома

Ей снилось, что Александр вернулся. Как она и предполагала, что-то приключилось и экспедицию отозвали. Кире снилось, что она проснулась утром и Александр уже пришел домой; он расхаживал по кабинету, а она лежала у себя, как обычно. Но Кира вспомнила, что уснула она в кабинете, и поняла, что это сон. Тогда она проснулась.

Александр и в самом деле вернулся. Она спала в его кабинете, а он ходил по соседней комнате и напевал какую-то песенку. Кира почему-то была раздета, хотя уснула одетой, это она твердо помнила. Она сделала попытку натянуть на себя одеяло, но внезапно еще раз проснулась, и поняла, что и это был сон. Она лежала одетая, но Александр все-таки был здесь. Он обнял ее и начал целовать, и это было очень хорошо. Но сердце ее почему-то сжала боль, и она опять проснулась, теперь, кажется, окончательно.

Часы показывали половину десятого; были глубокие сумерки. Часы мелко постукивали на руке, перед ее глазами. Кира лежала на диване все так же, лицом вниз. Стояла тишина, но что-то тревожное и безымянное мешало ей быть полным безмолвием. Кира почувствовала себя так, словно кто-то настойчиво смотрел на нее. Она провела ладонью по ногам, пытаясь натянуть юбку на колени, но осталось ощущение, что некто упорно не сводит с нее глаз. Она резко трях-

нула головой, ощущение не прошло. Тогда Кира медленно повернулась на бок.

Сон продолжался. Александр сидел в кресле и смотрел на нее. Ей показалось, что он улыбается. Были сумерки, но Кира сразу узнала его и испугалась, что больше никогда не сможет проснуться, что сон этот будет продолжаться всю жизнь.

Она подняла голову. Александр пошевелился и улыбнулся еще шире. Его обычная улыбка могла Кире присниться. Но на подбородке заметный в полосе света, падавшего из соседней комнаты, темнел шрам, которого еще сегодня утром не было, и он-то присниться наверняка не мог, раз его раньше не было. Или мог?

Мысли обгоняли одна другую. Сон? Кажется, нет. Хуже: болезнь? Александр выглядел совсем живым, но кто знает, как бывает это при болезни? Но, будь это так, врачи уже примчались бы: здоровье каждого человека находится под контролем днем и ночью, автоматы не спят. Значит, не болезнь?

– Неужели это ты? – спросила она шепотом.

Он на миг стал серьезен и потянул себя за ухо – как всегда в затруднительных случаях.

– В общем, – сказал он, – это я.

– Погоди, погоди, – торопливо проговорила Кира. – Сейчас... еще восьмое июля. Да? (Он кивнул). Половина десятого. Да?

– Тридцать три, – сказал он.

– Пусть, – согласилась она. – И ты улетел сегодня.

– Сегодня, – подтвердил Александр. – Вот именно. Восьмого июля... сего года. Забавно, а?

Ей это не показалось забавным. Исполнялись желания и свершались чудеса, хотя в глубине души Кира всегда знала, что свершиться им не придется. Убитое Одиночество умирало в углу. Кире вдруг захотелось закричать, громко и торжественно. Все-таки самой сильной оказалась она, сильнее науки, сильнее пространства. А объяснения найдутся, коль скоро событие уже произошло! Кира напряглась, чтобы, вскочив, преодолеть последние сантиметры разделявшего их расстояния и обнять Александра, но что-то непонятное удержало ее, и она не двинулась с места, а лишь спросила:

– Что забавно?

– Да так, пустяки... Ну, как ты живешь?

– Я? – Кира удивилась: что могло произойти в ее жизни за эти несколько часов? В следующий миг она покраснела, но в темноте этого нельзя было увидеть.

– Постой, – сказала она. – Вы же, наверное, не успели там даже пообедать! Я закажу что-нибудь.

– Не стоит, – успокоил Александр. – Я не голоден.

– Тогда закажи что-нибудь сам. – Кира смотрела на него, но губы Александра не шевельнулись, как обычно, в усилие скрыть ту улыбку, какой он обыкновенно встречал разные мелкие проявления женской непоследовательности. Все же она поторопилась объяснить:

– Я что-то проголодалась.

– Закажу, – пообещал он. – Вино и еще что-нибудь.

Он поднялся с кресла и секунду постоял, оглядываясь, словно что-то ища или вспоминая, потом шагнул в угол и включил кристаллофон. Кира любила вечерами слушать музыку, нужный кристалл всегда был наготове. Мелодия зазвучала, и Александр взглянул на Киру с таким победным видом, будто сделал что-то очень сложное. Затем вышел в соседнюю комнату и завозился там. Кира лежала и улыбалась. Ей было не просто хорошо: было чудесно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.